

Галина Солонова

*Черёмуха
душистая*

Рассказы

Галина Солонова
Черёмуха душистая. Рассказы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=20975448

ISBN 9785448313820

Аннотация

Очередная книга Галины Солоновой, состоящая из четырёх частей, порадует читателей яркими рассказами на актуальные, жизненно важные темы. Рассказы несут в себе заряд любви, душевной щедрости, тепла и вызывают искренний читательский интерес.

Содержание

Часть 1	5
Черёмуха душистая	5
Неоконченное танго	12
Окаянная любовь	28
Сон в руку	38
Верьте в чудеса	42
Встреча	47
Часть 2	48
Церковное дело	48
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Черёмуха душистая

Рассказы

Галина Солонова

© Галина Солонова, 2016

© А. А. Бирюков, дизайн обложки, 2016

Редактор К. П. Сидорова

ISBN 978-5-4483-1382-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть 1

Черёмуха душистая

Недалеко от забора, который разделял сады Ивана и соседки Антонины, стояло дерево. Поражало оно своей stature: высокое, около пяти метров, ствол чёрный, густая пышная крона. Будто душой сросся Иван с этим деревом. Дерево с женским именем: черёмуха. Дня не было, чтобы хозяин не посидел на уютной скамейке под черёмухой.

Вот и сегодня, в майский день, в день рождения Ивана, дарит черёмуха ему богатое цветение и свою красоту. Остановился Иван невдалеке, застыл, любуясь белоснежным рядом. «Тишина. Мир словно онемел от такой красоты», – подумал Иван.

– Любуешься? – услышал неожиданно голос соседки.

– Как не любоваться таким чудом, Антонина?

– Да подойди, сосед, поближе. Не съем.

Иван нехотя подошёл к забору, молча посмотрел на женщину.

– День рождения, кажись, у тебя сегодня. Поздравляю.

– Да, мне сорок пять, черёмухе моей двадцать пять, а она словно девушка на выданье.

– Мужчина ты в самом расцвете, а всё маешься в одиноч-

ку. Марии уже три года нет – пора бы и женщину привести в дом, – вкрадчиво размышляла Антонина.

– Какую женщину, соседка? Не тебя ли?

– А хоть и меня... Ты не знаешь, сколько слёз я пролила в молодости из-за тебя, – с упрёком ответила Антонина.

– Не одинок я. Дочь у меня, вот письмо с поздравлением прислала. – Иван прижал руку к нагрудному карману, где лежал конверт. – И черёмуха тоже со мной. Так что прости.

– Дочка скоро институт окончит, замуж выйдет – только ты её и видел! А черёмуха твоя на мои пол-огорода тенью ложится, и от цветов её у меня аллергия приключается, – окинув Ивана мрачным взглядом своих чёрных глаз, сказала Антонина и, поджав тонкие губы, двинулась прочь.

«Сколько упрёка в глазах соседки. Да разве я виноват, что полюбилась мне не она, а светловолосая да голубоглазая Машенька?» – подумал Иван.

Не догадывался он, сколько обиды, зла и ненависти носила Антонина в душе все эти годы. «Выкинь его из сердца, дочка, – говорила ей когда-то мать. – Выходи замуж за Василия – кажись, любит он тебя». «Нет! – топнула ногой Антонина, – всё равно своего добыюсь!»

И заигрывала, и заискивала перед Иваном, к гадалкам бегала: любжу наговаривала – ничего не помогло.

Так и осталась одна, плакала от досады по ночам в подушку...

Иван медленно подошёл к черёмухе, ласково погладил

шершавой ладонью ствол, вздохнул и сел на скамейку. Аромат цветущих веток воскресил память. В такой же майский день сидели Иван да Маша под черёмухой, тогда ещё невысокой. Ветерок нежно покачивал белоснежные цветки, собранные в длинные кисти. Тогда же признались они друг другу в любви. А когда созрели плоды, сыграли весёлую свадьбу. Друзья Ивана из его тракторной бригады, девчата полеводцы, что работали с Машей, соседи – все лихо отплясывали. Не было только Антонины.

Время пришло – дочь родилась, на Машеньку похожая, такая же светленькая красавица, Светланой и назвали. Жили в любви и радости. Счастье их черёмуха хранила. Деревце в цвету – вьются и жужжат трудолюбивые пчёлки. Вечерами всей семьёй наслаждались медовым черёмуховым запахом.

Ягоды созревали – лакомство в свежем виде. Маша искусница была: из плодов черёмухи напитки готовила, кисели варила, и пироги с начинкой частенько на столе стояли. Чуть заболеешь – опять черёмуховые настои выручают. А какие жизненные приметы Машуня знала: «пшеницу сей, когда зацветёт черёмуха», «много завязей на черёмухе – к урожаю ржи»...

Двадцать лет прожили душа в душу, но беда пришла, откуда – непонятно. Деревенские женщины меж собой судачили: порчу на Марию кто-то навёл. Врачи лечили, да только руками разводили от своей беспомощности.

Год промучилась бедняжка и угасла тихо, как свеча. По-

чернела душа у Ивана, жил ради дочери, да черёмуха спасала: навевала воспоминания о былой любви и счастье...

В тот вечер, отцветая, черёмуха, будто снегом, осыпала голову и плечи Ивана. Уходить не хотелось, но вставать надо рано: сельская работа в мае начинается с рассвета. Иван подошёл к черёмухе, обнял её, словно Машеньку свою заключил в объятия, прижался головой к крепкому стволу. Будто стон, вырвавшийся из больной груди, услышал. Оглянулся – нет никого...

Пахал целый день. Но с самого утра чувствовал себя неважно: боль какая-то за грудиной, да и дышать временами было тяжеловато. «Ничего, переутомился, видать. Сейчас умоюсь, переоденусь, под черёмухой посижу, поговорю с ней – всё и пройдёт», – подумал про себя Иван...

Учительница Нина Захаровна, что жила напротив дома Ивана, каждый вечер приносила ему литр парного молока.

– Иван Дмитрич, Ваня, – позвала с порога Нина Захаровна.

Не услышав отклика, отправилась в сад. Она знала, что Иван любил пить молоко прямо из банки под любимым деревом. Там Нина Захаровна и нашла его... бездыханного. Лежал ничком рядом со спиленной кем-то черёмухой, рукой обнимал стройный ствол белоснежной красавицы...

Хоронили отца всем селом.хлопоты по организации похорон взяло на себя правление совхоза.

– За дом, Светик, не волнуйся: буду приглядывать, – гово-

рила Нина Захаровна, провожая Светлану к автобусу. – Постарайся хорошо сдать госэкзамены и возвращайся. Учитель географии нужен в нашу школу. Так что ждём тебя.

– Я всё думаю, Нина Захаровна, кому понадобилось спилить черёмуху?

– Рано или поздно это обнаружится. Да и не поправишь того, что случилось. Но ты, Света, думай сейчас о главном...

Прошло два года. Светлана часто, но уже не одна вечерами сидела на той скамейке, на которой любил сидеть отец. Андрей, молодой директор школы, стал её мужем. Конечно, Светлана рассказала семейную историю о родителях и черёмухе.

– Светик, а давай посадим на этом же месте другую черёмуху, – предложил однажды Андрей.

– Другую – не будем. Посмотри на этот отросточек, – радостно ответила Светлана. – Возрождается родительская черёмуха...

Годы шли. Росла, цвела черёмуха, семейное счастье, как и прежде, добрых и любящих друг друга людей хранила. Работали, дом перестроили, скамейку новую соорудили, сына вырастили. Да всё в ласке, в любви, в заботе и согласии...

Но однажды осенью произошло непредвиденное. Поднялся сильный ветер, ураган пронёсся по селу, много деревьев повалил, вырвав их с корнем. Наклонило и черёмуху в сторону соседского огорода, да так, что не поднимешь, не подо-

прёшь ничем.

– Придётся спилить, – с сожалением сказал Андрей.

– Не к добру это, Андрюша, – тяжело вздохнув, ответила Светлана и направилась к соседке Антонине Степановне с просьбой убраться черемуху с её огорода.

Хоть и был уже полдень воскресного дня, Антонина с постели не вставала.

– Худо мне, – сказала она тихим голосом. – Налей водицы мне из чайника.

Антонина сделала несколько глотков и устремила болезненно печальный взгляд на Светлану.

– Умру я скоро. Покаяться хочу перед тобой... Завидовала я Марии, матери твоей. Отца твоего всю жизнь любила. Любила и ненавидела. – Мамы не стало – к черемухе его ревновала. – Почерневшие веки прикрыли впалые глаза, из которых выкатились две сиротливые слезинки. – Папину-то черемуху по моей просьбе ночью спилил племянник мой, что приезжал из города.

У Светланы от такого признания закружилась голова – хорошо, что ухватила руками за спинку кровати.

– Знаю, что не простишь, – после минуты молчания продолжила Антонина. – Но ты – добрая. А больше обратиться мне не к кому: вызови племянника, адрес на столе.

Светлана взяла листок, посмотрела на Антонину и, не сказав ни слова, ушла.

Жизнь шла своим чередом, и не без радости: внук родил-

ся, Иваном назвали. И ещё ждала Светлана чуда, оно и произошло: третий раз возродилась черёмуха, выпустив свой тонкий росток.

– Бабушка! Черёмуха, наконец-то, зацвела! – радостно сообщил однажды подросший внук.

– Берегите деревце, внучок. Счастье и любовь теперь вашей семьи оно будет охранять...

«Известно: добро рано или поздно побеждает зло. А как уживаются любовь и ненависть? Или это не любовь вовсе?» – печально размышляла Светлана.

Неоконченное танго

– Алло, – произнесла я в трубку телефона в ответ на поздний звонок.

– Здравствуйте, – ответил женский голос с хрипотцой. – Мне нужна Светлана Хомякова, услышала я свою девичью фамилию.

«Далёкий голос из детства, – мелькнуло у меня в голове. – Кто же это? Кто?»

– Я Вас слушаю, – ответила с замиранием сердца.

– Светик, это я – Галя Гурьянова. Помнишь меня?

– Галочка! Конечно, помню. И теперь узнаю твои нотки в голосе! – восторженно закричала я в телефонную трубку своей однокласснице. – Светочка, через две недели, пятнадцатого июля, собирается наш выпуск. Сорок лет прошло, как мы закончили школу. Приезжай. Заграница теперь тебе не помеха: ты в России. Может быть, в последний раз увидимся. Ты меня и не узнаешь: я стала толстой и старой.

– Галочка, представляю тебя красивой, белокурой, пухленькой девочкой. Я приеду, я приеду, я обязательно приеду, – слёзы переполнили мои глаза...

«Боже мой! Сорок лет – целая жизнь. А я таки не сумела за эти сорок лет ни разу побывать на встрече со своими одноклассниками: то маленькие дети, то жизнь за границей, маленькие внуки, проблемы мужа. Наконец, я могу

распоряжаться собой. А мне уже пятьдесят восемь – старуха», – рассуждала я, медленно подходя к зеркалу. Оглядев придиричиво своё отражение во весь рост, вспомнила свою бывшую коллегу—одногодку. «Не-е-е-т, Светочка, Светочка, ты ещё тонка, как берёзовая веточка, – похвалила я себя. – Ну, а как у нас по поводу физиономии? – продолжила исследовать своё лицо и шею. – Не так уж плохо, совсем даже прилично, – сделала я заключение. – Недаром же муж зовёт меня до сих пор «девочка моя».

Звонок в дверь прервал мои мысли. «Лёгок на помине», – понеслась открывать дверь.

Уже далеко за полночь, а я никак не могу уснуть: нахлынули воспоминания школьной жизни, всё дальше и дальше отгоняя сон...

– Девочка моя, что случилось? Почему не спишь? – обнимая, спросил шёпотом муж.

– Звонила моя бывшая одноклассница, приглашает на сороколетие нашего выпуска, – ответила также шёпотом.

– На этот раз обязательно поедешь, – прозвучал ответ мужа...

Встреча выпускников тысяча девятьсот шестьдесят шестого года назначена на шестнадцать ноль, ноль.

Я опаздываю: уже шестнадцать тридцать. Бегу по аллее из акаций, которая ведёт прямо в школу. «А ведь и я сажала эти акации, – горделиво окидываю взглядом роскошные

деревья. – Это было... в пятом классе. – И вдруг с тоской замечаю, что рядом с ними кое-где торчат пенёчки. – Так вот что... Срезали наши акации за старостью лет. Посадили рядом молодые, которые уже успели подрасти. Это они радуют глаз своей красотой».

Поднимаюсь по новеньким ступенькам своей школы. Сердце стучит: узнают ли меня? Узнаю ли я их? Растерявшись, останавливаюсь посреди просторного вестибюля.

– Проходите, пожалуйста, на второй этаж в актовый зал, – неожиданно за спиной услышала мужской голос.

– Спасибо, – улыбнувшись, кивнула я молодому человеку.

«Актовый зал, – мелькнула у меня мысль. – А когда-то он был просто спортивным, где в свободное от занятий физкультурой время проходили школьные вечера и внеклассные мероприятия».

С замиранием сердца поднимаюсь по лестнице, с перил которой, наши мальчишки, как с горы, скатывались вниз. Вот и актовый зал.

Спокойный повествующий голос заставляет меня бесшумно замереть в проёме гостеприимно распахнутых дверей. Ну, конечно, это же Вера Павловна рассказывает собравшимся о достижениях школы. Верочка – серьёзная девочка из параллельного класса, теперь директор своей родной школы. Мы с ней встречались, когда я изредка приезжала к маме.

– А вот и ещё одна гостья. Попробуйте узнать друг друга

те, кто ни разу не встречался после окончания школы, – похозяйски распорядилась Вера, направляясь ко мне.

– Ну, здравствуй, наконец-то, ошастливила нас своим присутствием, – шептала она на ухо, обнимая меня.

Добрых три десятка человек устремили на меня свои взгляды. Воцарилась тишина. «Ой, какие они все разные: полные, худые, пожилые, молодежавые. А, ведь все одного возраста. Да-а, жизнь – она кого-то бьёт, кого-то гладит», – думала я, вглядываясь в узнаваемые и неузнаваемые лица.

– Светланочка! – направились ко мне моя любимая учительница немецкого языка Нина Митрофановна.

Я юркнула в её объятия, защищаясь от любопытных, устремлённых на меня взглядов. – Ты почти не изменилась. В обиде я на тебя: не стала ты моей преемницей в профессии, – укоряла меня Нина Митрофановна.

– Зато знания языка пригодились мне в Германии, – успокоила я её.

– Красавица ты наша, – поющим голосом похвалила подошедшая Татьяна Фёдоровна. – Надеюсь, моя биология и анатомия тебе пригодились. Медицину ещё не оставила, работаешь?

– Работаю, дорогая Татьяна Фёдоровна. И Ваши предметы мне очень пригодились в освоении медицины, – отвечала я дрожащим от волнения голосом.

– Георгий Фёдорович, мой дорогой классный руководитель, – прильнула я к плечу стоявшего рядом седоволосого

подтянутого мужчины.

– Турпоходы наши помнишь? – обнимая меня, спросил Георгий Фёдорович.

– Помню, помню, я всё помню, – шептала я как молитву.

– Ну-у, а вот и я, – выдвинулась из-за чьей-то спины очень полная седоволосая дама. Какова? Узнаёшь, как ты выразилась, пухленькую и белокурую девочку? – поворачиваясь то вправо, то влево, продолжала она.

– О Боже! – вырвалось у меня вслух. – Галочка! Ты!

– Дайте, дайте поздороваться с гостьей мужской половине одноклассников, – пробасил полный рыжеволосый мужчина.

– Толик, я тебя узнала.

– Да-а-а, – протянул он поспешно обе руки для рукопожатия. – Как и прежде, хороша.

– Миша, ты? – обратила я свой взгляд на мужчину с синими кругами под глазами.

– Да-а, я, – пренебрежительно к себе самому произнёс он.

– А я храню свой портрет, который ты нарисовал и подарил мне после восьмого класса.

– А-а, художник, – опять пренебрежительно сказал Михаил.

Мне рассказывала Вера когда—то при встрече, что Миша пьёт на почве непризнанного таланта. Я постаралась поскорее переключить внимание на другого присутствующего.

Церемония узнавания, не узнавания, приветствия и объятий длилась ещё минут пятнадцать. И всё это время я чув-

ствовала спиной пронзительный взгляд. Наконец, я повернулась. Вот он взгляд – далёкий, до боли знакомый и родной. Этот взгляд как будто открыл двери в моё сердце и проник туда.

– Володя, – выдохнула я, устремляя свой взор в глубину его серых глаз.

– Да, Светик, я...

Не знаю, сколько времени мы стояли в оцепенении, не отрывая друг от друга глаз. Предо мной, как на киноленте, пронеслись воспоминания юности.

С Володей мы учились в параллельных классах. С пятого мы занимались в студии бального танца и танцевали с ним в паре. Однажды, это было в восьмом, мы репетировали танго, я неожиданно подвернула ногу. Вынуждена была пропустить целый месяц занятий. Володя не захотел танцевать с другой партнёршей. Так и не пришлось нам выступить с этим танцем. После восьмого он часто провожал меня после уроков до дома, и нам вслед кричали малыши: «Тили—тили тесто, жених и невеста».

По окончании девятого, в летние каникулярные дни, он приглашал часто на свидания, и мы, взявшись за руки, гуляли по тенистым аллеям парка, мечтали о том, что будем учиться в одном институте, строили планы на будущее.

Я вспомнила встречу. Тихий тёплый вечер, спокойная музыка, доносившаяся с танцплощадки. Мы сидим на скамей-

ке в парке и обсуждаем предстоящие выпускные экзамены. Неожиданно он коснулся своими губами моего уха и прошептал:

– Я люблю тебя и хочу, чтобы ты помнила об этом всегда.

Тогда мы впервые поцеловались. В тот вечер мы долго гуляли, и нам не хотелось расставаться. А на выпускном школьном вечере, когда зазвучала мелодия танго, мы невольно протянули друг к другу руки, желая покорить окружающих своими танцевальными способностями.

После начала танца кто-то неожиданно крикнул в микрофон: «Танцы с хлопушками!» Тогда это было модно. Через минуту меня «отхлопал» молодой двадцатилетний лейтенант – брат одной из наших выпускниц, приехавший в отпуск. Володе ничего не оставалось делать, как «отхлопать» девушку у другого парня.

Наши планы поступать вместе в один институт рушились: виною были серьёзные обстоятельства.

– Москву, дочка, я не потяну, – объясняла мне мать. – У Володи папа с мамой. А я одна. Поедешь в Смоленск: там моя сестра живёт, она тебе будет помогать.

В нашу последнюю встречу, Володя обещал писать на мамин адрес, а потом, надеялся получить мой новый.

Он поступил в Московский медицинский институт, а я – в Смоленский, где к моему большому удивлению служил Виктор, тот молодой лейтенант.

Прошёл год, а я не получила от Володи ни одной весточки.

Зато Виктор ухаживал красиво и настойчиво.

– Ну, что? Что Володя, – вразумляла меня мама, – ему учиться ещё невесть сколько. Да и в разлуке вы станете другими. И детская влюблённость пройдёт. А Виктор – это надёжный тыл: и взрослый, и серьёзный, перспективный, жильём обеспечен. Самое главное – любит тебя.

– Мам, а Володя не присылал мне писем, записок, не передавал приветов? – выспрашивала я у матери, прерывая её речи.

В ответ она молча укоризненно смотрела на меня.

Против Виктора я ничего не имела: его настойчивость мне нравилась, его надёжность чувствовала. Через год, после первого курса вышла за него замуж и продолжала учиться в институте.

А несколько лет спустя, приехав к матери с двумя маленькими детьми, мне захотелось перебрать свои книги, которые я собирала всю свою школьную жизнь. Неожиданно на одной из полок книжного шкафа обнаружила свёрток. Подумала, что это старые школьные или студенческие записки и за ненужностью хотела выбросить. Но решила всё-таки посмотреть – что там.

«О, Боже! – замерло моё сердце: это были письма Володи. – Ах, мама, мама!» – укоризненно прошептала я вслух.

Уложив детей спать, я всю ночь перечитывала Володины послания и плакала. Увидев свет от ночной лампы, мать заглянула в комнату. Взяв с пола листок, упавший с кровати,

тяжело вздохнула.

– Прости меня, дочка. Я-то, дура старая, никак не могла вспомнить, куда сунула этот злополучный свёрток. Всё равно я права: ты по жизни катаешься, как сыр в масле.

– Ах, мама, мама, – всхлипнула я, отвернувшись к стене...

– Прошу, прошу в столовую за праздничный стол, – хозяйски предложила Вера Павловна.

С Володей мы сели рядом. Я чувствовала его плечо: мне было уютно и спокойно. Будто и не было этих сорока лет. За столом шумно и весело вспоминали школьные годы.

– А помните, как мы всем классом убежали с уроков труда и потом прыгали с крыши мастерской в сугроб?

– Толик, помнишь, как ты что-то нюхнул из пробирки, пока нёс препараты на урок химии и у тебя распух нос?

– А помните, как в турпоходе дежурные по кухне Николай с Людмилой без каши нас оставили?

– Наш школьный хор, нашу художественную самодеятельность помните? Помните, как на санях, по скрипучему снежку, под звёздным небом ездили в сёла показывать свои таланты, а директор школы читал перед концертами лекции для колхозников?

– Школьную кролиководческую ферму помните?

– Как кормили и поили ушастиков наших?

– Как сажали аллею из акаций?

– И школьный сад!...

– А ты, Светик, помнишь наши прогулки и свидания? –

коснувшись губами моего уха, прошептал Володя.

Я повернула к нему голову и встретила печальный взгляд. Вместо ответа «да» я едва кивнула.

– Почему же ты не ответила ни на одно моё письмо? – всё также тихо шептал мне Володя.

– Твои письма прочитала только через пять лет после нашей разлуки, – ответила я тихо.

Володя на мгновение закрыл глаза. Его лицо выражало страдание. Мне тоже стало больно в груди.

– Ты прости мою маму, Володя, – продолжала я. – Тогда мне и самой показалось, что наши юношеские обещания неприемлемы во взрослой жизни. Не прочитав вовремя ни одного твоего послания, я старалась не вспоминать тебя и не расспрашивала о тебе. Кроме того, что ты знаменитый хирург, я ничего не знаю.

– Зато я тебя никогда не забывал и всё о тебе знаю, – сказал он, сопровождая свой ответ таким пронзительным взглядом, что я покраснела от чувства собственной вины.

Немного помолчав, прислушалась к бурным воспоминаниям одноклассников о беззаботной школьной жизни. Наконец, справившись со своим чувством, попросила:

– Расскажи о своей семье: о детях, о жене.

– Жену мою зовут так же, как и тебя – Светлана. Она такая же белокурая и, когда улыбается, у неё появляются чудесные ямочки на щеках, как у тебя. Она – детский врач, – тихо и спокойно ответил Володя.

– А дети? – взволнованно спросила я.

– Старшего сына зовут Дмитрием. Он пошёл по моим стопам: надеюсь, станет хорошим хирургом, подаёт большие надежды, я уже горжусь им. Дочь на три года моложе сына. Зовут её Наташа. Она, как и её мать будет детским врачом, – не без гордости повествовал мой собеседник.

– И моих детей зовут так же, – растерянно произнесла я и, задумавшись, замолчала...

– А не пора ли нам подвигаться? – молодежато подбодорясь, громко произнёс наш классный руководитель Георгий Фёдорович.

– Пора, пора, – вторили ему в ответ присутствующие и, вставая, шумно задвигали стульями.

Зазвучал медленный танец, и мы, как само собой разумеющееся, передвигались в такт музыки. Но тут нарочито воинственно подошёл к нам Георгий Фёдорович и хлопнул над ухом Володи три раза, как когда-то мы делали на школьных танцевальных вечерах, что означает «отхлопал даму у партнёра на остаток танца».

– Ну, хватит, хватит. Вцепился! – шутя и широко улыбаясь, сказал он, обращаясь к моему партнёру. – Дай и старику потанцевать с красивой дамой.

– Не могу не повиноваться, – игриво ответил Володя.

Медленно, но уверенно повёл в танце меня Георгий Фёдорович.

– А вы, Георгий Фёдорович, молодцом: твёрдо и крепень-

ко держитесь, – похвалила я его.

– Да и ты, Светлана, по сравнению с другими, выглядишь молодо. И как тебе это удаётся? – искренне удивился мой классный руководитель.

– А я соблюдаю, как учила меня бабушка, «пять не».

Георгий Фёдорович любопытно и вопросительно посмотрел на меня. Немного помолчав, чтобы подогреть ещё больший интерес, лукаво улыбаясь, медленно, со значением, произнесла:

– Не злись, не завидуй, не злобствуй, не ленись, не... пе – ре – е – дай!

– Да—а—а, в этом заложен большой смысл. А ты знаешь, уже пять лет я хожу в церковь, время от времени исповедуюсь и причащаюсь. И это даёт мне силы, – откровенно сообщил мне Георгий Фёдорович.

– Как меняется жизнь и её ценности, – понимающе, со вздохом, ответила я.

Вспомнилось, какую широкую антирелигиозную программу вёл он с нами, как учитель истории. Между тем танец закончился, и мы подошли к Володе.

– Вот, в целостности и сохранности, – подводя меня под локоток, шутя, сказал Георгий Фёдорович. – И тут же серьёзно сообщил, – через пять месяцев у меня восьмидесятилетний юбилей. Обещайте старику, что вы обязательно приедете.

Мы посмотрели с Володей друг другу в глаза: наверное, оба обрадовались предстоящей встрече и в один голос про-

изнесли:

– Конечно, конечно приедем.

Музыка всё звучала, сменяя один танец за другим. Неожиданно аргентинское танго вновь разбудило воспоминания. Володя печально улыбнулся мне и спросил:

– Может быть, нам сейчас удастся станцевать этот танец до конца?

Я молча положила ему на плечи руки, и мы медленно пошли по кругу, не стремясь вытанцовывать специальные танговые «па». Я чувствовала его крепкие руки, и мне в его объятьях было очень приятно. Володя приблизился к моему уху и прошептал:

– Светик, – он вздохнул, мгновенье помолчав, осторожно продолжил. – Дети и твои, и мои выросли. А мы ещё с тобой не старые. Ещё можем наслаждаться присутствием друг друга лет двадцать и больше. Так может нам с тобой...

– Девочка моя, – вздрогнула я от неожиданного голоса своего мужа, который остановил наш с Володей танец. – «Какое-то важное дело заставило его срочно явиться сюда», – подумала я. – Ты прости меня: позвонили из министерства, завтра утром надо быть в Москве. Придётся сейчас уехать.

Я взглянула в Володины глаза. В них было столько недосказанного! Отпуская меня, чувствовала, как его пальцы судорожно скользили по шёлку платья на моей талии...

Жизнь шла своим чередом. А я всё время думала о юби-

лее нашего классного руководителя и о предстоящей встрече с Володей.

Наконец, стою в числе заранее приехавших гостей, приветствую вместе с юбиляром приглашённых, которые один за другим появляются в проёме парадных дверей небольшого уютного кафе. Ещё и ещё заходят гости, а Володи всё нет. У меня растёт тревога и, как снежный ком, нарастает и нарастает... Время начинать торжество, а он так и не появился.

Тамада пригласил гостей рассаживаться за столы: лёгкий шумок прокатился по залу. Нехорошее предчувствие давило мне грудь. Машинально я села так, чтобы видеть входную дверь. Тамада уже приступил к своим обязанностям, а я отчётливо смотрела в проём двери.

Наконец, я услышала приближающиеся мужские шаги. Но... это был Станислав – двоюродный брат Володи, тоже хирург. Мгновенно он повёл глазами по залу. Увидев мой растерянный вид, Станислав кивком головы поприветствовал меня и почему-то виновато опустил глаза.

Никак не могла заставить себя вникнуть в то, что происходит в зале: в голове был один вопрос: «Почему не приехал Володя? Что могло случиться?»

Юбилейный вечер близился к завершению. Тамада объявил медленный танец. Станислав подал мне руку.

Я заглянула в его глаза, полные печали. Внутри меня всё съёжилось, но задать мучающий меня вопрос я не решилась. Танец закончился.

К нам подошёл виновник торжества Георгий Фёдорович. И поскольку кое-кто из гостей уже собирался уходить, присутствующие стали подтягиваться к юбиляру. Георгий Фёдорович благодарил всех за то, что не забыли, что может быть эта встреча последняя...

– Не молодеем, – печально говорил он. – Жаль, что Володя не приехал. Видимо, была у него на то серьёзная причина. Иначе, не обидел бы он старика. Георгий Фёдорович вопросительно посмотрел на Станислава.

– Ни за что бы ни обидел, – произнёс так печально Станислав, что стоящие рядом гости как-то напряглись, устремив на него свои вопросительные взгляды.

Немного помолчав, вдохнул, поднял голову и посмотрел на меня. Мне стало тревожно.

– Две недели назад мы спасали восемнадцатилетнего парня. Трое суток колдовал над ним Володя без сна и отдыха. Кризис, казалось, миновал. Мы уговорили его поехать отдохнуть домой. В пути он позвонил в больницу, чтобы выяснить состояние своего пациента. Медсестра, молоденькая, ещё неопытная девочка, сообщила, что у парня поднялась высокая температура. Развернувшись, Володя тотчас повёл машину назад в больницу. Очень торопился. Навстречу шёл КАМАЗ... Травма была не совместима с жизнью. Умер Володя у меня на руках, прошептав свои последние слова: «Скажи моей Светлане, что я всегда, всю жизнь её любил»...

Тягостная тишина окутала весь зал. Наконец, кто-то тихо

произнёс:

– Жёну-то зовут Светланой?

– Ну и счастливая же эта его Светлана, – кто-то добавил ещё.

– Да, счастливая: так любить не каждый может, – сказал Станислав и многозначительно посмотрел на меня...

Окаянная любовь

(То ли была, то ли небыль)

Давно это было. Полвека, считай, прошло, а историю эту у нас на селе всё ещё передают из уст в уста.

Жила в родительском доме, что стоял почти у самой реки, девушка по имени Ксения. Русалка – так и не иначе называли сельчане двадцатилетнюю красавицу Ксюшу. Окончила она медицинский техникум и уже год работала фельдшером в медпункте. Руки у неё были золотые и характер ангельский. Голова ли у кого болит, зуб «зайдётся» или живот «схватит» – заставит хворого тут же выпить таблетку, ладони свои приложит к больному месту да в глаза посмотрит внимательно – вот и полегчало человеку.

Особенно любили заглядывать в медпункт неженатые парни, сказывались якобы больными. Ксюша горло посмотрит, через трубку грудь и спину прослушает, а у пациентов сердце замирает от её прикосновений. Улыбнётся фельдшерица, чуб потреплет: «Иди, здоров».

Июнь в тот год выдался жарким. Младший брат Ксении, Николай, пришёл однажды на реку со своим другом Василием, с которым только что закончил ФЗУ.

Послышался размеренный всплеск, а затем, будто русалка встала во весь рост из воды. Короткое ситцевое платье обтягивало девичью стройную фигуру, подчёркивая её по-

катые плечи, упругую грудь, бёдра. Вода стекала с платья и струйками устремлялась по длинным ногам. Ксюша скрутила в жгут густые, ниже пояса белокурые волосы, отжав воду, опять разбросала их по спине и плечам. Она подошла к парням, внимательным взглядом синих глаз окинула курчавую шевелюру незнакомца. Василий зачарованно смотрел на девушку, не в силах оторвать от неё глаз и произнести что-то членораздельное.

– Вода, как парное молоко. Грех не искупаться, – сказала Ксюша мягким грудным голосом и, улыбнувшись, лёгкой походкой пошла по раскалённому песку.

– Осторожно, Вася! Рот закрой! – захохотал Николай, толкая Василия в плечо. – У Ксюши жених есть.

Он тракторист, друг нашего старшего брата Андрея. Степаном зовут. Серьёзный, взрослый. Не чета нам с тобой «салагам». Свадьба у них в августе.

С той минуты Василий, как говорят, стал сам не свой. Жил он вдвоём с матерью в соседней деревне. Работал слесарем в совхозной мастерской. Чинит ли он плуг или деталь для трактора какую-то вытачивает, а перед глазами всё Ксюша стоит с распущенными волосами и смотрит на него глазами как синее небо.

Вопреки предупреждениям Николая, стал Василий часто появляться в Ксюшином селе: то в медпункт заглянет, то на реке появится именно в тот момент, когда девушка купается, а иногда и домой придёт к другу Коле. Встречи были

невинные, радостные, разговоры оживлённые.

А Ксения с приближением даты свадьбы со Степаном молчаливее стала. Сердце её грусть томила, по ночам вздыхала, снились ласковый взгляд карих глаз Василия да жгучая, как смоль, его шевелюра.

Настал субботний день, когда братья уж и лошадей запрягли в телегу, сестрино приданое погрузили: перины, подушки, шифоньер новый, наряды невестины, чтобы везти в дом жениха.

Приспичило Ксении на работу в медпункт на минутку сбежать. Так и сказала родным «на минутку». Приходит, а там Василий как часовой у двери стоит. Затрепетало сердце у обоих, в глаза друг дружке глядят.

– Ксюша! Ведь любишь ты меня, а не Степана. И я тебя больше жизни люблю.

– Ты ведь, Васенька, моложе меня. Не вправе была я по нашим деревенским законам любить тебя. А вот люблю, и сделать ничего не могу с собой.

– Так зачем же тебе эта свадьба? Давай убежим прямо сейчас.

Неведомая сила подтолкнула их друг к дружке. Взялись за руки и побежали напрямик через берёзовую рощу в деревню, где жил Василий.

– Мама, я жену себе украл у Степана из соседнего села, – сказал Василий, появившись с Ксюшей на пороге родного дома.

Всплеснула руками Мария Фёдоровна в тревоге.

– Ох, не по правилам поступили! Боюсь, не к добру это, дети, – прослезилась она, но Ксюшу обняла, прижала к груди, голову её белокурую погладила, в глаза заглянула. – Выдержишь ли?

А в родительском доме невесты переполох. Где Ксюша? Что случилось? Степан побежал в медпункт. Закрыто! В соседний дом спрашивать пошёл. Там и получил ответ:

– Бросила тебя твоя невеста! С Василием, взявшись за руки, убежали!

Будто кувалдой по голове ударили Степана эти слова. Кровь в висках застучала, назад еле доплёлся. Оскорблённые чувства взыграли:

– Не нужна мне ваша невеста! Опозорила она меня! И вас знать всех не желаю! – крикнул Степан и, обхватив руками голову, быстро ушёл.

Ксюшина мать Настасья Петровна зарыдала в голос. Отец Прохор Иванович сурово нахмурил брови, сжал кулаки, приказал Андрею и Николаю приданое сбросить с телеги на землю.

– Поехали возвращать беглянку! – кивнул он сыновьям.

Хлестнул отец в сердцах лошадь кнутом, покатыл с сыновьями в деревню к Василию.

Издали услышала Мария Фёдоровна приближающийся грохот колёс по укатанному большаку. Сердце её забилося, предчувствуя неладное.

– Бежите, дети, в рощу, прячьтесь там: беда несётся к нам на телеге, – успела предупредить мать Василия и Ксению...

– Где!? Куда!? – кричал в ярости Прохор, заглядывая во все уголки хаты и подворья.

– Нету. Не знаю, не ведаю, – отвечала Мария Фёдоровна сквозь слёзы.

– В рощу! – вне себя от ярости закричал Прохор Иванович.

Плутая между берёзами, бежали Василий и Ксюша, не зная, куда им спрятаться. Беглецов догнали. Бил их Прохор, не жалея сил, запасными вожжами, да старший Андрей помогал ему. Обессиленные от побоев, лежали Василий и Ксения на земле.

– Николай, привяжи его, – кивнул Прохор в сторону Василия, – к стволу берёзы. – А этой руки свяжи, да на телегу погрузи, – приказал он Андрею.

Прислонил Коля кое-как к берёзе Василия, обмотал вокруг верёвкой, вместо узла воздушную петлю сделал, и один конец в руку ему сунул. На прощанье прошептал:

– Прости, друг. Предупреждал я тебя, чтобы не связывался с сестрой. Не послушался ты. Очухаешься, потяни за конец.

Только тронулась телега, очнулась Ксюша.

– Отпустите меня, – прошептала она. – Не будет мне жизни в нашем селе. Любить Василия мне всё равно не запретите.

Пуще прежнего разозлился отец.

– А что, ты разве имеешь теперь право на жизнь? Позорница! Повесить тебя мало! – словами, как раскалённым железом, припечатывал Прохор Ксюшу.

– Вешай! – что есть силы, крикнула Ксения.

– Вот как! – ответил Прохор и остановил лошадь. – Тащи её, Андрей, к дереву.

Не помня себя, он схватил вожжи и накинул петлю на шею Ксении. Она оперлась спиной о берёзу и не сопротивлялась.

– Изверги, – еле слышно произнесла Ксюша.

Николай не ожидал от отца такой жестокости. Бросился он перед ним на колени и взмолился:

– Опомнись, батя! Меня лучше повесь!

На одного сына посмотрел Прохор, на другого. Вид его был такой, будто разум к нему только что вернулся.

– Живи, – взглянув последний раз на дочь, буркнул он.

Горькой слезой скатилось Ксюшино тело по стволу берёзы.

Василий пришёл в себя. Почувствовал в руке конец верёвки, дёрнул, кое-как освободился. Ползком двинулся по дороге, непрерывно повторяя:

– Ксюша, Ксюша, Ксюша.

– Я здесь, – наконец услышал он.

Ночь укрыла несчастных, отдых дала их изнурённым телам.

Мария Фёдоровна сама была вне себя от случившегося.

Надеялась, что убежали, спрятались дети, вот-вот вернутся. А их нет и нет. Не стала ждать рассвета. Бегом поспешила по укатанной дороге, что вела в рощу. Темень, шорох, чьё-то гуканье среди деревьев и кустарников, в глазах рябит. Только месяц да звёзды помогают. Сердце замирает. Остановится, отдышится, прислушается, позовёт негромко: «Вася, Ксюша, дети, отзовитесь!». Так и пробежала около двух километров. Села на обочине дороги и заплакала. Вдруг слышит слабый голос сына:

– Мама, здесь мы.

На противоположной стороне дороги под берёзой и нашла Мария детей своих. Рассвет забрезжил. Где идти помогала, где на себе тянула то Ксюшу, то Василия. Добрались до дома. Благо, что стоял он на самом краю деревни.

Целый месяц выхаживала Мария Фёдоровна сына и невестку: травяными отварами поила, мазями да разными примочками ссадины и рубцы от верёвок лечила.

А ещё через месяц в сельском Совете расписались молодые и скромную свадьбу сыграли.

Случилось в день свадьбы в селе, где жили родные Ксении, роковое событие. Женщина из Васиной деревни приехала в село к своей сестре, да у колодца встретила Ксюшину маму.

– Что ж ты, Настасья Петровна, не на свадьбе? Дочка твоя замуж сегодня выходит. Говорят, беременна она уже, – сообщила «доброжелательница».

Вздрогнула Настасья. Коромысло не удержала, вёдра покатились. Выпрямилась, глаза наполнились слезами пополам с обидой и ненавистью.

– Нет у меня дочки! Нет у меня зятя! Сколько сил, сколько денег было потрачено на подготовку свадьбы со Степаном! Пусть будет проклята их окаянная любовь! И ребёнок пусть родится у них больной, чтобы горче им было!

От таких слов-проклятий поспешила женщина поскорее уйти, а вернувшись в родную деревню, не смогла умолчать. Все судили – рядили да каждый на свой лад: одни жалели молодых, другие осуждали.

Время шло. В июне у Ксюши и Василия родился сын. Никиткой назвали. Радовались первенцу. Пока был в люльке да в пелёнках, ничего не замечали. Но вскоре увидели: правая ручка и правая ножка, будто мёртвые. Врачи произнесли три страшные буквы: ДЦП. В доме Василия поселилась тоска, в сердцах родителей – нестерпимая боль.

Вся деревня судачила о проклятиях, что наслала на Ксюшу родная мать. Слухи дошли и до Настасьи Петровны. Прибежала она к Василию и Ксюше. С порога на колени бросилась, умоляла простить её.

– Поздно, мама, поздно. Ты семью мою и внука твоего проклятиями заклеила. Чужие мы...

Василий работал, семью обеспечивал. Ксюша всё с сыночком, ни на минутку его не оставляла. От горя и слёз синие глаза стали блёкнуть. Годик Никитке исполнился. Кто-то на-

доумил свозить ребёнка к Святому источнику, что за рекой находится у кромки большого леса.

До переправы на лошади доехали. Паромщик через реку перевёз, путь указал:

– Километра полтора вдоль реки пройдёте, никуда не сворачивая. Избушку увидите. Живёт там бабушка Варя. Говорят, сто лет ей уже. Источник рядом, она вам и покажет его.

Стоит старушка, поджидает: будто знала, что Василий с Ксюшей Никитку сюда принесут. А взгляд у столетней Варвары молодой, добрый, проницательный, глаза лучистые.

– Давно вам сюда надо было явиться.

У небольшого взгорка, покрытого кустарником, из-под двух больших валунов бьёт ключом животворный источник. Проложив себе небольшое русло длиной в двадцать метров, искрится в нём вода, жемчугом переливается, а потом неожиданно исчезает в зарослях.

– Помолитесь сначала. Поблагодарите Матерь Божию, попросите исцелить дитя ваше. Тельце сыночка омойте, сами умойтесь. Святой водички попейте. Она услышит вас. – Сказала бабушка Варя и пошла вдоль ручейка. Вдруг неожиданно повернулась, будто забыла предупредить о чём-то. – Черника да земляника уродилась нынче как никогда. Тропинка приведёт вас к опушке, где ягодами всё усеяно. А гору, если увидите, взберитесь, но долго не задерживайтесь там.

Да как же обойти эту внезапно открывшуюся взору высокую гору, если красота неопишная! Стоят ели, как пирами-

ды, от подножия до самой вершины, трава ярким изумрудным ковром между ними стелется, всё сияет на солнце.

Сила после источника в теле появилась, боль покинула душу, дышится легко и свободно. Взобрались на вершину горы, будто на крыльях взлетели. Оглянулись Ксюша с Василием вокруг – вся округа далеко, как на ладони видна: и Ксюшино село, и деревня Василия, и роща берёзовая, и река извилистой лентой вьётся. Поставила Ксюша лукошко, наполненное ягодами. Василий пиджак расстелил, Никитку усадил. Личико ребёнка порозовело, улыбается, то на мать смотрит, то на отца. Взглянули друг на дружку Ксюша с Василием, на сыночка дивятся – сердца любовью переполнились.

– Вася, я знаю, что нужно нам сделать. – Василий с надеждой на Ксюшу смотрит, ждёт. – Повиниться перед родителями надо, прощения попросить у них и у тех, кому боль душевную причинили. А всех, кто нас обидел – простить. Помириться со всеми...

К Святому Источнику вернулись, а там их уже бабушка Варя поджидает.

– Вы правильное решение приняли и обязательно счастливы будете. Поторопитесь только...

Бабушка Варвара, говорят, прожила у Святого источника сто тридцать четыре года.

Сон в руку

«До Нового года ещё две недели, а уже вовсю чувствуется предновогодняя суета», – подумала Настя.

Она задержалась недалеко от ёлки, которую только что установили на центральной площади.

Влюблённая парочка, держась за руки, направилась поближе к лесной красавице. Настя проводила их долгим взглядом. Душа грустила. Не радовало даже её сегодняшнее отличное выступление на семинаре по английскому языку. Она вспомнила вчерашнюю встречу с бывшей одноклассницей Таней. Татьяна была не одна, её под руку заботливо держал молодой человек.

– Настя! Хорошо, что встретила тебя! Как поживаешь? – затараторила девушка. – Наши бывшие одноклассницы собираются в кафе на новогоднюю вечеринку. Пойдёшь?

– Постараюсь, – скромно ответила Настя.

– Но одно условие у нас: девчонки придут со своими «бойфрендами».

Это условие Настю сильно озадачило: нет у неё молодого человека. Ещё в десятом классе многие девчонки завели себе ухажёров. Настя же до сих пор не думала об этом. Школу она закончила с золотой медалью, учится на втором курсе института, но никто и никогда не навязывался в эти самые ухажёры. Да ей и не нравился никто. «Правда, был од-

нажды случай ещё в школе, на перемене, – вспомнила девушка, – Виталий (все его уважительно называли „профессором“) задержал взгляд на мне. Но это, скорее всего, была случайность: учился он уже в одиннадцатом классе, а я, малявка, – в девятом»...

Пока перебирала воспоминания, дошла до дома.

На пороге квартиры встретил аромат её любимых пирожков.

– Внученька, ты так рано сегодня! Твои любимые напекла, – слышался певучий голос из кухни. – Ой, какая ты морозная, – обнимая Настю, ворковала бабушка. – Мама с папой звонили. К сожалению, не смогут они приехать к Новому году...

«Ну вот, опять вдвоём с бабулей будем коротать новогоднюю ночь», – печально подумала девушка, подходя к зеркалу в прихожей и критично рассматривая своё лицо, волосы.

– Бабуль, и почему у меня такие рыжие волосы?

– Не рыжие, а золотые. Мама блондинка, а папа брюнет: дети часто получают с таким цветом волос.

– А конопушки на носу? Зачем они мне?

– Это солнышко тебя поцеловало! Мой руки да обедать давай. Немного отдохнёшь, потом сходишь к Нине Сергеевне. Пирожков ей отнесёшь: приболела она...

Свернувшись калачиком на диване, Настя задремала. Новогодние огни, гирлянды, ёлочная мишура – всё смешалось в сонном царстве девушки. Во сне она слышала глухие сту-

ки. Кто-то лапами легонько поколачивал дверь. Настя, якобы, открыла её, а за порогом, виляя хвостом, стояла большая рыжая собака.

Девушка внезапно проснулась.

– Внученька, всего-то полчасика подремала. Что так мало? – с сожалением сказала бабушка.

– Да собака большая рыжая разбудила меня во сне: в дверь к нам лапами стучалась. К чему бы это?

– Настюш, так это к другу!

– Да, нет, бабуля, у меня никого на примете. И кому я нужна такая рыжая и конопатая, – вздохнула Настя тайком...

Три часа дня. Падающие лёгкие снежинки искрились на солнце. Мороз слегка усилился. Снег приятно скрипел под ногами. Настя шла по тропинке и бережно несла пакет с пирожками. Неожиданно откуда-то сзади подбежала большая рыжая собака с кожаным ошейником. Она, виляя хвостом, приняла к Настиному пакету, кружила вокруг девушки, не давая ей двигаться дальше.

– Ты из моего сна? – спросила Настя. – Наверно, голодная, пирожки учуяла? Я бы тебя угостила, но как отнесётся к этому твой хозяин?

– Джимми! Джимми, стоять! – послышался голос спешащего молодого человека...

Парень внимательно окинул взглядом девушку. Настя замерла, прижав к груди пакет, и опустила глаза. Рыжие пряди волос густо выбились из-под капюшона пуховика и засвер-

кали золотом. Молодой человек, молча, смотрел на это чудо.

– Настя, ты меня не узнаёшь?

Девушка подняла глаза. Молодые люди обменялись долгим взглядом.

– Узнаю. Ты Виталий, и ты в Питере.

– Я буду здесь до середины января. А ты стала взрослой и очень красивой... Куда-то спешишь?

– К бабушкиной подруге: пирожки ей несу.

– Совсем, как в сказке, – весело засмеялся Виталий. – Я сейчас очень спешу. Диктуй мне номер своего сотового, – с шуточной строгостью произнёс он, доставая свой телефон. Завтра встречу тебя после занятий...

Верьте в чудеса

– Валюша! Прилечу с Андреем тридцатого вечером, – кричал в телефонную трубку Сергей. – Ёлку без меня не наряжай.

Неожиданно в трубке что-то зашуршало, застрекотало – связь прервалась. Валентину это не очень огорчило. Самое главное она услышала: её любимый прилетит, и они вместе будут встречать Новый год. Девушка радостно закружилась по комнате, вынула из чемодана новенький цвета лазури свитер, приложила к себе, взглянула в зеркало. Как идёт он к её голубым глазам, белокурым волосам, заплетенным в тугую косу!

Заполярный посёлок, затерявшийся в тундре, был небольшой: школа, куда Валентина по распределению после института приехала работать учителем географии, библиотека, детский сад, два магазина. Однако до аэропорта, где служил Сергей в отряде вертолётчиков, было шестьсот километров. Но для влюблённых разве это помеха?..

В дверь постучали. На пороге появилась Антонина, подруга и коллега, с которой работали в школе.

– У тебя радио работает? Передали, что пурга начинается...

Пурга местных жителей не пугала. Утром тридцатого декабря, взявшись за руки, дети добрались в школу на новогод-

ний праздник. Укутав потеплее малышей, родители отнесли их на руках в детский сад на праздничный утренник.

Весь вечер Валентина стояла у окна и всматривалась в заметённую снегом дорогу. Небольшая лиственница, стоявшая в ведре с тёплой водой, выпустила свои иголки. Зелёная пышная красавица ждала новогоднего наряда. Пурга не уни-малась, но девушка всё ждала, надеялась. Любой шорох или стук заставлял её бежать к окну, но это были всего лишь про-делки неугомонного ветра. Не дождавшись Сергея, измучен-ная ожиданием, она задремала только к утру.

К полудню следующего дня опять пришла Антонина.

– Взлётную полосу совсем занесло, – печально сообщила она. – О том, что прилетит самолёт или вертолёт, не может быть и речи. Взбодрись, наряжай ёлку, вечером придём к те-бе с подругами.

Пурга метёт, ветер завывает как зверь. В душе Валентины стало совсем пусто и холодно. Вспомнилась бабушка, кото-рая в трудные минуты молилась. Девушка встала на колени, не зная ни одной молитвы, истово, от всей души обратилась к силам небесным, чтобы помогли встретиться с любимым...

И ёлка наряжена красиво, и девчонки веселятся: поют за-дорно, бокалами звенят, а в душу Валентины грусть пробра-лась и уходить не хочет. Около часа ночи почти весь посёлок после домашнего застолья собирается в Доме Культуры. От-правилась туда и Валентина с подругами...

Тридцатого декабря утром Сергей со своим другом Андреем, с деликатесами в рюкзаках, были готовы к отлёту. Неожиданно объявили, что рейс отменяется в связи с надвигающимся бураном. Пассажиры зашумели, потом притихли. Сергей заволновался, побежал к диспетчеру:

– Иваныч! Надолго ли?

– Не волнуйся ты так! Отдохни часа два-три.

– Досадно, – сочувствовал другу Андрей. – Но твоя Валентина никуда от тебя не убежит. А вот я хотел бы завязать знакомство с её подругой, Антониной.

Из аэропорта друзья не уходили – ждали, надеялись. Коллеги сочувствовали, кто-то дружески похлопал Сергея по плечу. День в томительном ожидании закончился. Наступило тридцать первое декабря. Сергей очень переживал: свои обещания он выполнял всегда, а тут надежда на вылет уже стала таять. И вдруг к вечеру поступило диспетчеру срочное сообщение о том, чтобы прислали вертолёт за роженицей. Оленеводческое стойбище, куда должны были лететь, находилось в пятидесяти километрах от места, где жила Валентина. Для Сергея и Андрея это был счастливый шанс.

Прилетели. А впереди было ещё не просто пятьдесят километров, а пятьдесят километров пурги. Запыхавшись, прибежали к знакомому оленеводу.

– Выручай, Спиридон. Очень прошу, – произнёс Сергей с порога.

– Однако, двадцать три ноль ноль уже, всё равно не успеете, – взглянув на часы, ответил оленевод.

Лица друзей помрачнели.

– Эх, любовь, любовь! Ладно, поехали, – добавил он.

Спиридон и его олени знали тундру вдоль и поперёк, и даже на ощупь. Но пурга всё кружила и кружила свой снежный хоровод, препятствуя оленьей упряжке двигаться к посёлку. Наконец остановились.

– Выгружайтесь. Ноги замлели, небось. Пройдитесь пешком. Счастливого Нового восьмидесятого!

Не шли, а скорее ползли, утопая в заносах снега и таща за собой рюкзаки. Пурга утихала, словно радуясь, что вволю повеселилась.

– Тук-тук! – радостно и громко сказал Сергей и толкнул дверь Валиного жилища. Комната была пуста, но счастье всё равно разлилось по всей душе...

– Валентина Петровна! – подбежали к своей учительнице два девятиклассника.

– Что случилось? Вы же ушли с родителями.

– А мы вернулись. В ваш дом два лётчика пошли...

Сердце Валентины быстро-быстро застучало, кровь при-

лила к лицу, от чего она стала ещё красивее. «Что это с ней?» – встревожилась Антонина, глядя вслед спешно убегающей подруге.

Взволнованная, Валентина вошла в комнату и увидела трогательную картину: Сергей и Андрей, не сняв верхней одежды, сидели на полу, прислонившись к стене,

и безмятежно спали. «Видно, сильно устали», – подумала она. Будить друзей не стала. Слезинки радости и счастья покатались по щекам.

Около пяти утра с шумом ворвались в квартиру девчата, вернувшиеся из Дома Культуры, и разбудили гостей. Рюкзаки были распакованы, стол был празднично накрыт. В шесть утра по местному времени, а в двенадцать ночи по московскому, под бой Кремлёвских курантов все подняли хрустальные бокалы с шампанским.

– Минуточку внимания! – громко сказал Сергей.

Из нагрудного кармана рубашки он достал маленькую малинового цвета коробочку, открыл её и протянул на ладони Валентине.

Верьте в чудеса, дорогие читатели, особенно под Новый Год. Они непременно сбудутся.

Встреча (Шутка)

Был солнечный осенний день. Он и она встретились случайно на пешеходной дорожке парка. Оба смотрели друг на друга и молчали. Их молчание было понятно только им двоим. Она вспомнила их горячие весенние свидания, и от этого вся напряглась, только голову опустила да в сторону отвела голубые глаза. Он же, напротив, снисходительно смерил её взглядом, будто осветил двумя зелёными огоньками. Потом, вытянув шею, нежно прикоснулся к её голове, словно просил за что-то прощение.

– Мур-р, – наконец ласково мурлыкнул он и тронул своей лапкой её пушистый белый бочок.

– Мяу-у, – ответила она и смело уткнулась носом в его лоснящуюся чёрную голову.

А золотистые листья берёзы, кружась в осеннем танце, деликатно напомнили им, что это не весна, а уже осень.

Часть 2

Церковное дело

Утренняя служба в храме закончилась. Батюшка куда-то спешил. Немногочисленные прихожане разошлись. «Сегодня уже никто не придёт», – подумала послушница Евдокия. Она обошла все подсвечники, ловко потушила пальцами недогоревшие свечи и направилась к столику, покрытому тёмно-вишнёвой бархатной скатертью. Тарелочка, на дне которой лежали утренние пожертвования прихожан, звякнула в руках Евдокии. Она высыпала деньги на скатерть, пересчитала. «Да, не густо», – сказала про себя и поставила тарелочку на прежнее место. Поправив слегка сбившуюся скатерть, посмотрела на образа, осенила себя крестом.

Неожиданно тяжёлая дверь церкви распахнулась. Трое мужчин (высокого, среднего и низкого роста) с чёрными капроновыми чулками на голове, нарочито громко топя ботинками, развязно-воинственной походкой подошли к Евдокии. Та замерла, но самообладания не потеряла.

– Гони деньги, монашка! – строго произнёс коренастый крепыш среднего роста.

– Пожалуйста, берите, коль греха не боитесь. – Евдокия высыпала монеты на стол. – Сегодняшние пожертвования

прихожан.

– Где поп, святоша! – громыхнул нетрезвым голосом долговязый, похожий на гусака, смахнув пренебрежительным жестом мелочь со стола. – Нам нужны деньги, что получил он вчера в сбербанке!

– Получил ли батюшка от Епархии на ремонт храма, он мне не докладывал, а самого его нет: уехал спешно, – объяснила женщина, вглядываясь в лица с приплюснутыми чулком носами и губами.

– Выпить гони! – писклявым голосом потребовал третий, маленький кругленький коротышка.

– А у нас не магазин. Да я вижу, что вы уже изрядно пьяны, – с невозмутимым спокойствием ответила Евдокия. – Николай Угодник, – обратилась она, крестясь, к иконе, висевшей рядом, – удали недостойных из храма Божьего.

Коротышке показалось, что Николай Угодник взирает на него с укором.

– Не п-презирайте! – голосом нетрезвого человека сказал он и пригрозил Николаю Угоднику пальцем.

– Пошли отсюда, – буркнул крепыш.

В трёхкомнатной квартире, где жил батюшка с семьёй, раздался дверной звонок. Не предполагая ничего дурного, шестнадцатилетняя Ксения открыла дверь. В просторную

прихожую вторглись три человека мужского пола в масках из капроновых чулок. Впереди стоял маленький пузатенький коротышка, рядом – долговязый, коренастый среднего роста крепыш – сзади. Пахнуло водочным перегаром.

– Вы кто? Что вам нужно?! – не на шутку испугавшись, закричала девушка.

На крик прибежала сестра Анастасия с годовалым мальчуганом на руках.

– Батюшку зовите своего! – приказным тоном произнёс крепыш.

– А его нет! – резко сказала Анастасия. – А если бы и был, то уже сорвал бы с ваших бесовских рож чулки!

Волнение девушек и вид чужих людей с необычными лицами так испугали малыша, что он поднял крик, чем несколько смутил грабителей, которые порывались пройти из прихожей в комнату.

– Пожалей своего попёнка, и быстренько, без конфликтов, обе снимайте с себя побрякушки! – приказал крепыш и вытащил из-за пазухи чёрную трикотажную шапку.

Сёстры безропотно сняли с себя увесистые серьги, цепочки, перстни. Лишь обручальное кольцо с изумрудным камешком осталось на безымянном пальце Анастасии.

– И вот это тоже клади в шапку, – потребовал долговязый.

– Уходим! – выдал команду крепыш.

– Не тяжеловата шапка!?! – съязвила Анастасия.

Коротышка повернулся к девушке, погрозил ей пальцем,

добавив шёпотом:

– Цыц!

В кабинете следственного отдела раздался звонок. Майор Шалютин поднял трубку, оторвав взгляд от календаря, где он красным карандашом старательно обвёл дату – двадцать девятое марта.

– Анатолий Сергеевич, зайди ко мне, – раздался голос начальника Отдела внутренних дел Сыромятина Виталия Михайловича.

– Слушаюсь, товарищ полковник.

В просторный кабинет начальника через открытое окно ворвались робкие утренние лучи весеннего солнца, шаловливо касаясь всего того, что блестит. Войдя в кабинет, майор на мгновение прикрыл веки: так ярко искрился от солнца крест на груди у батюшки, сидевшего у стены напротив окна.

– Здравствуйте, – поздоровался Шалютин и с едва заметным любопытством взглянул на служителя церкви.

Тот встал, придерживая крест, поклонился.

– Анатолий Сергеевич, видимо, надо возбудить дело об ограблении, – сказал полковник. Вот заявление настоятеля церкви Боголюбова Серафима Фёдоровича.

Майор молча кивнул головой, принимая листок с заявлением, и повернувшись к священнику, учтиво произнёс:

– Пойдёмте, побеседуем...

Умный взгляд, одухотворённое лицо, грамотная речь – во всём облике чувствовался высокий интеллект настоятеля местного храма. Выслушав подробный рассказ о том, что случилось в церкви и квартире батюшки, следователь спросил:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.